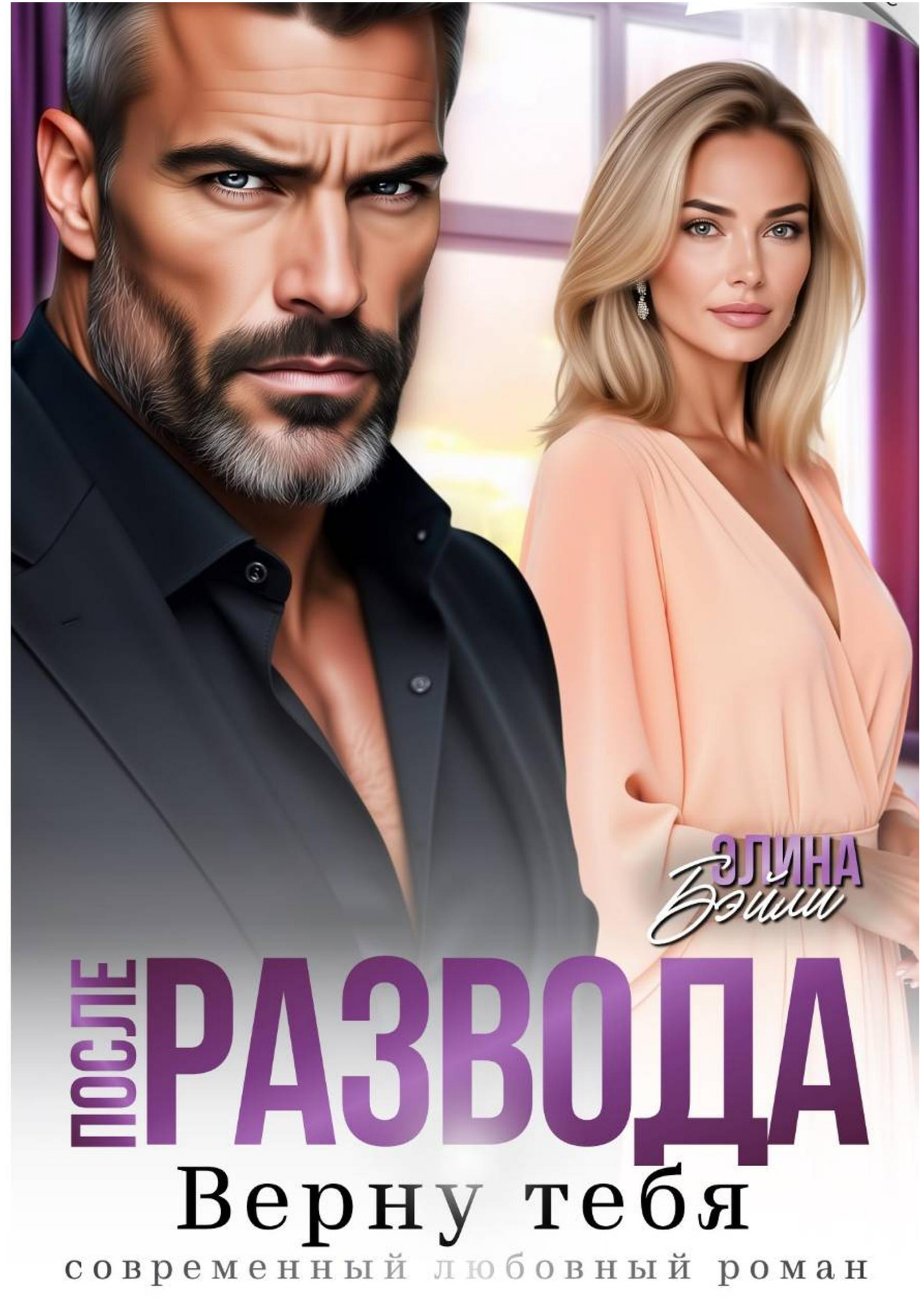

ЭЛЕНА
Бойко

ПОСЛЕ РАЗВОДА

Верну тебя

современный любовный роман

Элина Бэйли

После развода. Верну тебя

«Автор»

2026

Бэйли Э.

После развода. Верну тебя / Э. Бэйли — «Автор», 2026

«Поздравляю, уже полгода ты свободная женщина». Курьер держит шикарный букет от моего бывшего мужа. Тут же звонит телефон. - Надь, давай попробуем все начать сначала. Я был полным дураком, все осознал. - Ты придумал схему получше, чтобы скрыть свои похождения? В прошлый раз ты знатно прокололся, - вырывается смешок. - Ты неисправима, я же тебе сказал, что измены не было, ты все придумала сама. Полгода назад я развелась с любимым мужем из-за его походов по чужим койкам. А теперь он хочет вернуть меня обратно, как будто предательство можно простить по щелчку пальцев. В книге есть: - неунывающая героиня с чю - 1 шт. - властный герой, который понял, что накосячил - 1 шт. - эмоции на разрыв - воз и маленькая тележка. ХЭ для тех, кто заслужил)

© Бэйли Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

1.	5
2.	7
3.	9
4.	12
5.	14
6.	16
7.	18
8.	20
9.	22
10.	24
11.	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Элина Бэйли

После развода. Верну тебя

1.

«Поздравляю, уже полгода ты свободная женщина».

Курьер держит букет, не просто красивый, а шикарный. Алые огромные розы, эвкалипт, лента цвета бордо. Открытка с надписью чёрным маркером:

«Поздравляю, уже полгода ты свободная женщина».

- Вы Надежда? Попросили передать вам лично в руки цветочки.

- А вы не ошиблись? - Я перечитываю ещё раз.

- Отправитель Тимофей Нестеров, - курьер мило улыбается, а мне хочется взять эти цветы и отхлестать ими этого Тимофея Нестерова.

Стою в домашней кофте, с пакетом молока в руке, волосы собраны в хвост, из которого уже вылезают пряди.

Вроде бы всё прожила. Прошла через слёзы, сессии у психолога, три недели, когда не выходила из дома, одну ночь, когда рыдала в подушку, потому что собака завывала, услышав его голос в старом видео. Вроде бы отпустила, стало легче, но как же он оставит меня счастливой нет, надо снова о себе напомнить, чтобы вытащить душу наружу.

А тут — поздравляю. Как будто он не разрушил брак, а подарил мне праздник.

— Спасибо, — говорю курьеру. — Букет можете передарить своей маме. Или девушке. Уверена, им будет приятно. А хотите, в мусорку выбросите, или соседке на этаж ниже подарите, там одинокая женщина в возрасте живет, думаю, обрадуется.

Он пожимает плечами, берёт цветы обратно. А вот открытку я забираю. Сую в карман кофты, чтобы каждый раз, когда захочется смягчиться, вспомнить: он считает, что я должна быть благодарна за то, что он меня бросил.

Телефон вибрирует.

«Снова показываешь свой характер? Может, сходим в ресторан, отметим наш небольшой юбилей?»

Я смеюсь вслух. Так громко, что пекинес Моська, спящий на диване, вздрагивает и смотрит на меня, как на сумасшедшую.

— Представляешь, твой бывший хозяин совсем тю-тю, — говорю ему, кручу пальцем у виска. — Он предлагает отметить полгода развода. Как будто мы не расстались из-за того, что он целовался с другой в машине, а просто сделали паузу по обоюдному согласию.

Моська вздыхает и поворачивается к стене. Он всегда был на моей стороне.

- Но знаешь, Тимофей, — продолжаю разговаривать сама с собою вслух, представляя, что веду диалог с бывшим мужем. Смотрю на телефон и выливаю на него поток сознания. — Если ты думаешь, что я сидела здесь полгода, извивалась в корчах, рыдала в подушку и скучала по твоему запаху, ты сильно ошибаешься. Я скучала по человеку, который, как мне казалось, был тобой. А не по тебе. И всё же...

Надену всё красивое сразу. Чёрное платье, которое он называл слишком вызывающим и откровенным. Туфли на шпильке, в которых он говорил, что я буду уставать, а походка станет, как у хромого кузнечика. Серьги, которые он забыл подарить на день рождения, но я купила себе сама.

Полгода назад я стала разведенкой: из нажитого имущества собака - пекинес - одна штука, два чемодана с вещами, три комнатных растения и целый воз и маленькая тележка неоправданных надежд и чувств.

Давай в нашем ресторане, в шесть. У меня будет целых сорок минут
Собираюсь, ничего, пусть теперь кусает локти.

Еще перед самым судом, когда мы ждали своей очереди, Тим спросил:.

- Неужели наша семейная жизнь стоила твоей упертости.

Я смотрела на него, не понимала, он прикалывается или правда, не понимает.

- Ты правда не понимаешь, кто здесь упрямый? Думаю, в нашей паре это тот, кто думает, что можно целовать другую, писать ей, что скучаешь, встречаться с ней в ресторанах и и при этом остаться "нетварью".

О том, что у мужа кто-то появился, я поняла сразу. Наверное, в тот же день, как он пришел с первого свидания, он стал очень обходительным, весь такой хлебный мякиш, из которого можно лепить, что хочется. Пришел с цветочками, в первый раз в жизни помыл посуду и очень старался в постели.

Конечно, я его обнюхала, осмотрела одежду, даже в телефон влезла, пока он спал. Кроме чека из аптеки, где были пробиты два презерватива и клубничная аскорбинка - никаких улик. И тут я решила идти ва-банк. Неделю за всем этим наблюдала, ну не к чему придраться, но женское сердце не обманешь. Помню, как подхожу к мужу, он отпивает черный кофе из огромной своей чашки.

- Тим, ты долго меня будешь за нос водить? Про любовницу, когда думаешь рассказать.

По глазам вижу, что задела, но он держится молодцом.

- Надь, тебе снова в темной комнате черная кошка мерещится, говорю же тебе, я верен, - рука тянется, чтобы меня обнять.

- Котик, ну не ври. Она мне позвонила, мы с ней все обсудили. Сказала, что завидует мне, ты у меня половой гигант, оказывается, ну это хорошо, что перед чужой женщиной меня дурой не выставил, не посрамил, как говорится, честь семьи.

Лицо мужа меняется, как будто он не пьет кофе, а ест его столовой ложкой. Брови сползают к переносице.

- Она так и сказала? - с серьезным голосом уточняет.

- Да, - пожимаю плечами, чувствую, сейчас признание пойдет. Кладу рядом с чашкой чек из аптеки.

- Вот тварь, это она преувеличила все. Не было никакой измены, ну покатались мы немного, пару раз в ресторан сходили, по углам позажимались. А секса и не было толком - в машине неудобно, к ней домой не пойдешь, там постоянно кто-то был, а к нам в семейную кровать вести любовницу - ну я же не совсем скотина.

Тимофей спокойной рассказывается, может он не в себе, думает, что с друзьями делился этой информацией. Вот так, без особого нажима сам все выдал. А на суде долго и упорно рассказывал, что я притянула все случившееся к измене, но ее же как бы и не было.

Ничего, сегодня в ресторане я ему напому, как все это было

2.

Я приезжаю без пяти минут восемь, Тимофей сто процентов опоздает, пунктуальность не его конек. Я должна войти первой, выбрать стол, чтобы он увидел меня - уже сидящей, спокойной, как будто это мое место, а он - гость.

Лесной берег - наше бывшее «наше». Романтическое место и рядом с метро, тихо, можно говорить без крика. Теперь здесь слишком много света. Белые скатерти. Свечи в стеклянных шарах. Из колонок поет джаз, но не по делу, он меня сегодня немного раздражает.

Я сижу у окна. Передо мной, через два столика зеркало. Смотрюсь не для уверенности, а для подтверждения, что я выгляжу, как царица. Сейчас придет придурок с лупой, будет рассматривать мои особенности, а зная дурацкий характер Тимофея, уверена, что сейчас начнется цирк.

Смотрю на себя. Черное платье, классическое в стиле Шанель, обтягивающее, но не вызывающее. Туфли на шпильке, но ходить могу. Макияж легкий, только глаза. Волосы распущены. Когда-то он любил, когда я их закалывала. Говорил: «Ты как девочка». Теперь не хочу быть девочкой, я молодая и роскошная женщина, вот пусть утрется и поймет, кого он потерял.

Официант в черном жилете и белой рубашке подходит сразу. Подает меню,

- Вы уже готовы сделать заказ? - улыбается во весь рот.

- Пока стакан воды. Хочу вас сразу предупредить, со мной будет гость, но счета у нас будут разные, - ныряю в меню. Много новых блюд с непонятными названиями, столько всего изменилось с нашего последнего ужина здесь.

Он кивает.

- Я принесу воду.

Ставлю сумку на соседний стул, очерчиваю личное пространство, чтобы Тимофей не сел слишком близко.

Через три минуты он появляется. Видно, что старался, бежал. Темный костюм, свежая стрижка, запах дорогого одеколона. Выглядит хорошо, но в глазах усталость. И наглость. Та самая, которая появляется, когда человек уверен, что он пуп земли...

Он оглядывается. Увидев меня, улыбается. Прямо прирожденный шоумен.

- Привет, - говорит, снимая пальто. - Ты потрясающе выглядишь.

- Спасибо. Это называется - жизнь без тебя. Женщина всегда расцветает, когда сбрасывает балласт.

Он смеется. Садится. Не на стул с сумкой. На другой, отставляет его подальше от меня.

- А ты в своей манере, могла бы для приличия опоздать.

Смотрю на него с выражением лица, а что ты еще придумаешь.

- Тим, сразу с поблажек начинаем? Дальше что, руки отсохли и мне теперь к тебе на стирку и глажку приехать?

- Ну, знаешь, - начинает он, откинувшись на спинку стула. - Пока ехал, много думал. Какую бабу я потерял. Ты ведь меня обвела вокруг пальца. Половину имущества забрала. А за что?

- За то, что ты накосячил. Вот и поплатился, - пожимаю плечами. - Думала, мы и до суда это выяснили.

- Ага, - кивает он. - Только вот вопрос: а был ли косяк? Если бы хоть накосячил А так, только мысль в голове зародилась.

- Мысль? - переспрашиваю. - Это когда ты целуешь другую в машине, покупаешь презервативы и пишешь: скучаю?

Он краснеет. Потом смеется.

- Ладно, ладно. Я не для ругани пришёл. Хочу попробовать начать сначала.

Официант приносит воду.

- Будете, что-нибудь заказывать?

- Пока нет, - отвечаю за нас двоих.

- А вы? - подает меню Тимофею, тот рукой показывает, чтобы подошел позже

- Начать сначала? - переспрашиваю. - Как будто этих полгода не было?

- Почему нет? Если нам вдвоем было хорошо, почему бы не повторить?

- А мне это зачем? И если было хорошо, - добавляю издевку в голос, - откуда тогда появилась эта попутчица в твоей машине?

Он смеется.

- О, точно! - Тимофей усмехается. - Именно попутчица. Подвез девушку с работы, обменялись контактами. Всё.

- У нее не было денег, чтобы расплатиться, - уточняю, с улыбкой на губах. Не на ту напал, сейчас каждое его слово играет как цугцванг. - Решил взять натурой? Низко, половая нечистоплотность - это так... брезгливо.

- Нет, Надя, ну что ты! - машет рукой. - Мы просто пообщались. А потом завертелась. Помнишь, ты хотела веганкой стать, потом решила, что мясо любишь. Вот и я ...

- Ага. Как будто измена - это экзамен: если не сдал, всё равно молодец. Только вот я не сессию пересдаю, я жизнь живу.

- Я скучаю, — говорит он.

- По мне? Или по дому, уюту, вкусной еде. На лапше быстрого приготовления тяжело? - язвлю, хотя стоит признать, выглядит Тимофей хорошо.

- По нам.

- Тим, ну свято место пусто не бывает. Вот твое занято, у меня есть партнер.

Он смотрит на меня. Прищуривается.

- Врунья. Я навел справки. Никого у тебя нет.

- А зачем навел?

- Чтобы понять, стоит ли вообще приходить.

- И что, раз никого нет, значит, я свободна для тебя?

С нашу оживленную беседу снова вмешивается официант, делаю заказ - шоколадный фондан с мороженым и какой-то авторский кофе.

Тим снова погружается в меню, ощущение, что прячется.

- Если нам было хорошо, почему бы не попробовать?

- Потому что было хорошо - это когда ты не ищешь других, когда не считаешь, сколько можно предать, чтобы это не считалось.

- Надя, - он пытается взять меня за руку. Одергиваю. - Я был идиотом. Признаю.

- Ага. Только проблема не в том, что ты ошибся. Проблема в том, что ты до сих пор не понял, почему потерял.

- Я скучаю, - повторяет он. Ты всё ещё такой саркастичная.

- А ты всё ещё думаешь, что если хорошо оденешься и скажешь, что скучаешь, и я, как наша Маська прибегу за кормом и буду заглядывать в глазки. Можно всё вернуть?

- Почему нет?

- Потому что доверие не работает по принципу перезагрузки. Оно не возвращается, даже если ты сейчас честный, потому что я уже не знаю, как тебе верить.

3.

Тимофей

- Счет мне, я сам всё оплачу, - говорю официанту, не повышая голоса, но с такой интонацией, что он тут же разворачивает папку в мою сторону.

Я всегда знал, как говорить с людьми: негромко, не резко, а так, чтобы понимали: это не просьба, а конец обсуждения. Но Надя уже протягивает карту, и официант, словно забыв про меня, принимает её, кивает и отходит. Я не шевелюсь. Только медленно поворачиваю голову, смотрю на нее, и в этом взгляде - не вопрос, а оценка: Ты действительно хочешь сделать из этого спектакль? Она чувствует, как напрягается воздух между нами, как исчезает легкость, с которой она пришла сюда, будто бы просто закрыть главу.

- Ты знаешь, что ты делаешь? - спрашиваю. - Это не расплата за кофе. Это попытка показать, что ты больше ничего от меня не принимаешь. Ни деньги, ни жесты, ни прошлое.

- А ты предлагаешь что-то другое? - отвечает она, откладывая карту, поправляя волосы. В чёрном платье, с распущенными волосами, в туфлях на шпильке, она выглядит не как бывшая жена, а как женщина, которая только что выиграла партию.

- Я предлагаю подумать о нашем совместном будущем, - отвечаю спокойно, но она начинает раздражать.

- А ты до сих пор считаешь, что имеешь право?

- Нет, - отвечаю. - Но я считаю, что ты делаешь это не ради себя. Ты делаешь это, чтобы я почувствовал, я унился. Что я пришёл униженно, с подарком, с заказом, с надеждой, а ты отказала. Ты свои феминистические замашки оставь при себе.

- А разве не так?

- Так, - киваю. - Только ты забываешь одну вещь. Я не просил тебя меня простить. Я пришёл, потому что хотел понять, можно ли вернуть то, что было. А ты сразу поставила меня на место. Не как мужчину, который ошибся, а как должника, которому нельзя доверять. У всех бывают ошибки, моя святоша.

Она смотрит на меня, чуть приподнимает уголок губ. Не улыбка. Удовлетворение.

- Ты думаешь, это было место? - спрашивает. - Я просто не хочу, чтобы за меня платили чужие.

Произносит это спокойно, но в каждом слове - удар.

Я не отвечаю сразу. Смотрю в окно. За стеклом город, машины, люди, которые не знают, что происходит внутри. Потом перевожу взгляд на её сумку, на которую она положила руку, как будто защищает что-то ценное.

- Ты всегда была умной, - говорю. - Но умные женщины часто путают силу с местью. Ты могла сказать нет» без всего этого. Без публичного отказа, без демонстрации контроля, но ты выбрала именно так. Значит, тебе важно было не просто уйти, важно было показать, что ты выше меня?

- Я не хотела тебя унижать, - говорит она. Тим, мне пора.

- А если это не раскаяние? Если это просто попытка понять, что произошло?

- Произошло полгода назад. В суде. Когда ты сказал, что у вас толком ничего не было, а я нашла переписку, видела чеки, наблюдала, как ты заметил следы. Это больно, когда тебя предают, глядя в глаза.

Молчу, не потому, что нечего ответить. Потому что понимаю: она не слушает. Она повторяет уже сказанное, как свидетельские показания.

- Хорошо, - говорю. - Ты победила. Могу я хотя бы проводить тебя?

- Зачем? - спрашивает. - Чтобы сохранить видимость нормальных отношений?

- Чтобы выполнить элементарную вежливость.

- Тим, давай не сейчас. Мне надо время. Пока.

Она машет рукой, как будто отгоняет муху, надевает пальто и уходит. Не оглядывается.

Я сижу, допиваю вино, теперь мне некуда спешить. Не позволю себе уйти вслед за ней, как собачонка.

Через десять минут встаю, оставляю на столе крупные купюры - с излишком, пусть официант знает: я заплатил не за ужин, а за право выйти первым.

На улице холодно. Ветер хватает за воротник. Я иду к машине - черному Q7, стоящему у тротуара. Открываю, сажусь, завожу двигатель. Тепло, тишина, кожа, запах ухоженного салона.

Рядом с машиной стоит такси. Водитель качает головой. Рядом - девушка в шапке с помпоном, сжимает сумку, говорит что-то резкое. Подхожу.

- Проблемы?

- Да. Он отказывается везти. Говорит, маршрут неудобный.

- Куда?

- На Летнюю.

- Я довезу, - иду к машине, открываю дверь.

Она смотрит на меня. Оценивает. Не боязно, не вульгарно. Спокойно.

- Только довести и ничего больше, - она с опаской смотрит на меня.

- Конечно, - говорю. - Просто провожу.

Обходит машину и вместо переднего пассажирского, она садится на заднее сиденье.

- Почему не спереди? - спрашиваю улыбаясь, сам смотрю на нее в зеркало заднего вида. Дожился, случайные девушки повышают самооценку.

- Так спокойнее. Спасибо, что не оставили меня здесь, - достает телефон, кому-то пишет сообщение.

Киваю. Завожу двигатель. По дороге почти не разговариваем. Включено радио - джаз, тихо. Она рассказывает, что работает в зоопарке, любит ленивцев, потому что они живут медленно, а мир слишком быстрый. Я киваю. Улыбаясь уголком губ.

- Странные животные, - говорю. - Но, наверное, самые мудрые.

Подъезжаем. Останавливаюсь у подъезда.

- Спасибо, - говорит.

- Не стоит.

Подъезжаю к пятиэтажке на окраине. Двор тихий, освещен редкими фонарями, во дворе - старые качели, покрытый пленкой от дождя. Она выходит из машины, стоит у подъезда, оглядывается. Ветер едва не срывает с нее шапку, она ловит ее, смеется.

- Спасибо, - говорит. - Честно, я уже думала, буду ночевать в такси.

- Не до такой же степени, - отвечаю.

- А почему бы и нет? Город полон людей, которым всё равно, где спать.

Смотрю на неё. Впервые за вечер по-настоящему. Не как на случайную встречу, а как на человека. У неё усталость под глазами, но взгляд живой. Настороженный, но не боязливый.

- Ты часто так добираешься домой? - спрашиваю.

- Иногда. Работаю допоздна. Ленивцы не понимают графика.

Усмехаюсь.

- А ты давно один? — спрашивает.

- Полгода.

-А-а - кивает, как будто всё понятно. - Бывшая? Это она, наверное, подошла и пнула твою машину. Девушка в черном платье, красивая.

- Точно она, не женщина, а железная кнопка.

- Извини.

- Нечего извиняться. Это была её инициатива.

- Значит, ты не хотел?

- Я не против развода, - говорю. - Я против того, как это произошло, я считаю, что у каждого есть право на ошибку.

Она молчит. Потом говорит:

- Хочешь, пройдемся? Только недолго. Я завтра рано на работу.

- Давай.

Идем вдоль дома, потом сворачиваем к скамейке под раскидистым клёном. Ветви почти касаются земли, создают ощущение укрытия. Присаживаемся.

- Меня Катя зовут, - говорит она.

- Тимофей.

- Знаю. Ты сказал в машине.

- Запомнила?

- А ты бы забыл моё имя?

4.

Надя

Сажу на диване, закутавшись в плед, который раньше был нашим, еще с тех времен, когда мы смотрели фильмы под ним, и он всегда забирал себе большую часть, теперь он весь мой, и как-то даже слишком просторно стало под ним.

Моська лежит у ног, свернувшись калачиком, периодически вздрагивает, видимо, снится что-то про котов или бег по двору. На экране сериал, где герой признаётся жене, что влюбился в её лучшую подругу. Я уже знаю, чем закончится: она простит, потому что измены как бы и не было, он же не дошёл до конца. Смеюсь вслух. Моська открывает один глаз, смотрит с осуждением и снова засыпает.

Звонит Лара. Я беру телефон, откидываюсь на спинку, поправляю плед.

- Ну что, как жизнь, Надюш? Тимка упал к ногам и просил прощения? - говорит она, как только я отвечаю.

- Сериал смотрю, собакена драконю.

- А ты?

Лара смеётся, и я слышу, как где-то на заднем плане хлопает дверь, потом голос ее мужа: Лар, ты опять болтаешь? Ужин остывает.

- Миша сердится? - спрашиваю.

- Ага. Говорит, я слишком много времени провожу в чужих драмах. Особенно в твоих.

- А ты говоришь, что это просто так, между делом?

- Конечно. Ты моя сестра, буквально самый дорогой человек, как я тебя наедине с бедой оставляю? - Лара усмехается.

- Особенно, если беды нет, - смеюсь в ответ.

Достаю из кармана пледа пульт, ставлю сериал на паузу. На экране герой стоит с цветами, как будто это решит всё. Как могут цветы покрыть предательство, если только их сверху на могилку положить

- Так, Надюша, ты чего тянешь. Рассказывай, как встретились? Тим сразу упал на колени и пополз за тобой. Или выглядел, как рыцарь на белом коне, или как мачо весь горячий?

Прям представляю, как сестра потирает руки, чтобы узнать побольше подробностей.

- Да, нормально все прошло. Я выпила кофе, себя красивую показала. А с Тимом никакого особо диалога не получилось, он, как всегда - секса не было, все остальное - невинный флирт, а не измена.

- Ну, в чем-то он прав. Он же не бросил семью ради другой. Просто чуть вышел за рамки,

- Лара говорит тихо, но нравоучения в голосе хорошо слышны.

- За рамки моего доверия.

Кажется, разговор будет долгим.

Лара молчит, потом слышно, как она делает глоток, как всегда, у нее зеленый чай под рукой.

- Я бы вернулась, - говорит. - Ребенка потом родила, мне кажется, он не самый плохой генофонд. А потом выносила мозги: отслеживала переписки и звонки, каждую покупку, истерила по каждому поводу. Года три бы он сопротивлялся, а потом делся, никуда бы не делся. И тогда бы жили мы припеваючи.

- Ну и зачем? Моей нервной ситеме и на работе здорово достается, если я еще дома полбоя устраивать буду...

Моська как будто понимает, что разговор становится интереснее, поднимается по мне выше, ложится на грудь, упираясь носом в мочку уха.

- Надя, ну ты как здрасте! Ты пока вот так размышляешь, все думы думаешь, годы идут. Не забывай, ты на рынке невест уже третий сорт, тем, кого восемнадцать давно все первые ряды заняли. А теперь почти тридцатник. И что-то, насколько я понимаю, толпы любовников или ухажеров нет.

Так и хочется сестре даже через трубку дать по башке. Сейчас еще историю про мамину троюродную сестру начнет. Теть Маша в молодости была красавицей, пока перебирала женихов, стукнуло тридцать, а в тридцать пять еще замуж вышла за рябоватого сантехника, потому что никто больше не брал.

- Лар, у тебя-то все хорошо, что ты обо мне беспокоишься. Я вон с Моськой проживу, от него пользы больше.

Пауза. Слышно, как Лара ставит чашку.

- Ладно, - говорит она. - Я не хочу, чтобы ты страдала. Но ты не можешь всю жизнь выбирать между идеалом и реальностью. Иногда нужно просто взять то, что есть.

- А если я не хочу, брать что есть? Если хочу, чтобы было по-другому?

Моська согласно хрюкает мне на ухо, вот, хоть кто-то со мной согласен.

- Ладно, должен же кто-то и старой девой быть, - Лара начинает смеяться, потом слышу мужской голос, видимо, Мише надоело слушать наши байки.

- Ладно, Надюш, муж бухтит. Ты у меня умница, живешь свою жизнь, не осуждаю, но не понимаю, - потом воздушный поцелуй, аж в ухе зачесалось. - Все, давай, до завтра.

Кладу трубку. Может, в чем-то сестра и права, остаться одной очень просто, а мне бы этого не хотелось. И возраст такой, что ребенка смогу одна вырастить, и все у меня вроде есть. Только где бы мужчину найти для всего этого. Роль любовницы или дамы второго плана мне не подходит, а вот свободного, еще и прекрасного - надо поискать.

На телефоне всплывает лицо Тимофея, потом раздается звонок. Не знаю, на что намекает этот мир, но если я правильно уловила его посыл, то я против.

5.

Надя

Господи, ну что ему ещё надо? Полгода тишины, как будто его вообще не было в моей жизни, а теперь за один день решил мне всё донести, как будто я обязана выслушать его поздний монолог.

Пальцы висят над телефоном. Не сразу беру трубку. Звонок обрывается. Через двадцать секунд раздаётся снова. В третий раз - уже понятно: он не отстанет.

- Ну что? - говорю, когда беру трубку.

- Привет, - говорит он. Голос ровный, но с натяжкой, как будто перед этим глубоко вдохнул, собрался с духом и быстро-наигранно говорит.

- Ты чего хочешь, Тим? - показушно вздыхаю.

- Я просто хотел поговорить.

- У тебя есть пять минут. Я уже в кровати, рука тянется к выключателю. Скоро буду спать, - хоть и вру, но мне совсем не стыдно. Легла, да. Но читаю книгу, пью чай, играю с Моськой, вечер как вечер. А вот скоро спать - это профилактика против долгих разговоров, которые ни к чему не ведут.

- Могла бы хотя бы изобразить, что ты мне рада, - начинает он.

- Ага. Не соскучилась. Две минуты своего драгоценного времени уже подходят к концу, - становится забавно переливать из пустого в порожнее, если бы ещё не к ночи ближе. Моська фырчит, поворачивается ко мне спиной, собака чувствует, когда разговор становится напряженным.

Тим молчит. Слышно, как где-то за ним хлопает дверь, потом шум ветра, машина проезжает близко.

- Не торопи, - говорит. - Сегодня провожал девушку, совершенно случайно встретил. Она ругалась с таксистом. Я ее подвез, мы поговорили так нормально.

- Очень благородно, а мне, зачем это знать? Я больше в твою жизнь не лезу, вопросов к тебе не будет, почему чек на два кофе или гостиница почасово оплачена.

- Надь, ты вроде умная женщина, но дура дурой. Выслушай меня! Я просто решил себя проверить. Сама понимаешь, новые отношения, это же как рюмка перед алкашом. Если он завязал на сто процентов, то отодвинет и будет пить компот. А если нет, сама понимаешь.

- А если мясо положить перед тигром? - спрашиваю.

- Я понял, что никакой чужой женщины мне не надо. Только ты, - выдаёт серьёзным голосом.

И если бы не сегодняшняя встреча, когда я понимаю, что у меня больше нет трепета перед ним, всё спокойно, я бы, может, и поверила. Но сейчас только холодное наблюдение.

- Поздравляю с таким важным открытием. Должен быть праздник? Шампанское? Фейерверк?

Встаю, иду на кухню, наливаю стакан воды. Беру из вазочки конфету, пока одну, не хватало ещё сладкого перед сном нажраться. Смотрю в окно. Город. Огни. Машины. Жизнь, которая идет мимо.

- Надя, - говорит тише. - Ты знаешь, что ты заноза?

- Это комплимент?

- Нет. Это правда. Ты сидишь вот здесь, - стучит пальцем, думаю, что по груди, даже если я не вижу, - и не даешь нормально дышать. Я пробовал встречаться и с Ириной, и с другой познакомился. Я даже на сайт знакомств залез, чтобы начать всё с чистого листа, но не получается.

- Может, потому, что у тебя проснулась совесть?

- А может, потому, что я все равно тебя люблю.

Беру ещё одну конфету, уже не из-за сладкого, а потому что руки заняты. Так спокойнее. Иду в спальню. Моська бежит на встречу, конечно, я почти перекусила, а собачен голодный. Так себе я песья мать.

- А она? - спрашиваю. - Та, с которой ты "немного" целовался в машине?

- Мы давно не общаемся. Я был идиотом, - говорит спокойно. - Признаю.

- Ага. Только проблема не в том, что ты ошибся. Проблема в том, что ты до сих пор думаешь, что признался, а я отпустила тебе грехи. Тим, кажется, это по-другому работает. Карма - такое дело.

- Я не хочу, чтобы ты простила. Я хочу, чтобы ты поверила.

- Твои три минуты истекли, спокойной ночи.

Отключаюсь, включаю телефон полностью. Я же взрослая женщина, ну что в сказки-то верю. Никогда не думала, что меня можно на слова купить. Боюсь, если он позвонит, я снова возьму трубку, потом он мне навешает лапши на уши, скажет, что любит, а я вдруг поверю. А потом снова окажусь там, где доверие можно купить цветами и фразой, что был идиотом.

Моська вздыхает, переворачивается на спину, показывает живот.

- Ты прав, - говорю. - Он не стоит того.

Выключаю свет. Лежу. Не сплю.

И мысль, которую не произношу вслух: может, он прав. Может, я заноза, но лучше быть занозой, чем тряпкой.

Через полчаса включаю телефон, чтобы завести будильник. Жду, что сейчас посыпятся сообщения о звонках и новой переписке. Но нет, пусто.

Ставлю будильник, ложусь так, чтобы свет уличного фонаря не бил в глаза. Моська прижимается ко мне, как будто чувствует, что внутри не всё спокойно, даже если снаружи - контроль. Включаю тихо музыку, старый плейлист, который мы слушали когда-то по дороге в Карелию. Первые аккорды, и я резко выключаю, оказывается, до сих пор больно.

6.

Надя

- Тимофей, ты рехнулся? Ты время видел? И если только возвращаешься из кабака, то не надо мне об этом сообщать, мне пофигу.

Бывший муж вспомнил обо мне почти в шесть утра. За окном серое, тяжелое небо, будто город еще не проснулся, но уже устал. Я в футболке, в старых штанах, волосы собраны в хвост, который уже на треть вылез, торчит во все стороны.

Моська лежит на полу, морду положил на лапы, ухо поднято, как антенна. Он всегда слышит первым, особенно если за дверью, кто-то, кого он когда-то знал.

- Ты слишком долго спишь, я думал, что все собачники с пяти утра круги вокруг дома нарезают, - говорит Тимофей. Голос бодрый. Подозрительно бодрый. Как будто он тренировался. - Я решил разделить ответственность за ребёнка.

Непроизвольно вздрагиваю, по спине холодок.

- Какого ребёнка? - спрашиваю. - Ты с ума сошел? У нас нет ребёнка и никогда не было. Тим, это ты не по адресу, вспоминай, где потомство оставил?

- Есть, - говорит он. - Моська, чем не ребенок, ну только четырехлапый.

Молчу, не могу так сразу переварить информацию. Я смотрю на пекинеса. Он приподнимает голову не потому, что услышал свое имя, потому что почувствовал напряжение.

- Ты серьезно?

Бреду на кухню, ставлю чайник на сухую слушать странные фантазии Тима невозможно. Достаяю из холодильника кувшин с водой с лимоном, гадость редкая, но говорят, что полезно.

- Абсолютно. Мы его заводили вместе. Это наш совместный проект, вот и ответственность должны разделить пополам.

- Ты хочешь «воспитывать» пекинеса? - Может, у мужчин так кризис среднего возраста проявляется?

- Да. Начну с прогулки. Сейчас подойду. Я недалеко от твоего дома, ты сама спустишься или мне к тебе подняться? Есть еще вариант, что ты с нами пойдешь, проветришься, ну полезно ведь.

- Тим, ты вообще в себе?

- В полном. Готов к алиментам: корм, лежанка, поход к ветеринару. За полгода долг тоже возвращу.

- Ты хочешь платить алименты собаке?

- Нет, тебе, но на ее содержание. Мы из питомника брали ее вместе, должно быть, все по справедливости. Я через десять минут буду у подъезда.

— Это издевка?

— Нет. Это мой вклад.

Отключаюсь. Стою, не двигаясь. Кажется, Моське тоже не нравится мысль, что надо идти на улицу попу морозить. Мы с ним привыкли поздно вечером гулять, а потом уже часов в восемь утра, когда мир проснулся. Наливаю себе чай в термокружку. Ну, вообще мне не нравится мысль куда-то топтать, что за дурацкий план? Может, он собаку украсть хочет, а потом меня ею шантажировать?

Через десять минут звонят в дверь.

Открываю. Он стоит. В той же куртке, что и тогда. В перчатках, синих, тех, что я дарила на день рождения. В руках - поводок, новый, на ошейнике и на петле адресники. И пакет. Из него торчит упаковка корма - премиум-класс, с уткой и киноа.

- Доброе утро, - говорит. Не могу отвести глаз от красных, от мороза ушей, они делают его суровое лицо смешным. - Я привёз корм. И лежанку. Складную, чтобы и для дома и дачи.

- Тим, ты бы к врачу записался, ты меня прям пугаешь.
- Я просто хочу делать что-то настоящее.

Моська смотрит на него, лезет обниматься, повизгивает . Предатель! Потом обнюхивает пакет.

- Я просто хочу начать с чего-то маленького, - говорит, ждет, что я впущу его в квартиру, но я пока не готова. - Не с примирения. Не с признаний. С прогулки.

- А если я скажу, что не нуждаюсь в твоей помощи. А доброе дело можно и в собачьем приюте сделать, им твой корм важнее, что этой пушистой попе.

- Ты запрещаешь мне гулять с собакой? - Тим поднимает бровь.

Тяжело на него смотреть, хочется накинуться, барабанить кулаками в грудь и орать что есть силы. Как мне больно даже сейчас! Он так играючи сломал мою любовь, мое доверие к миру, а сейчас делает вид, что ничего не происходит, только мои раны еще не зарубцевались, он снова льет на них кипяток.

- Я запрещаю тебе использовать Моську как предлог.

- А если я честно? Если не буду звонить, не буду давить, просто иногда выгуливать? Псине полезно двигаться, а то она только ест и спит, не знаю, есть у собак стадии ожирения, вот у Моськи последняя.

- Дурак, пекинесы все набитые, у них лапки короткие, много ходить тяжело. Ладно. Возьми его поводок, я сейчас оденусь и к вам спущусь. Мосечка, не слушай этого дурака, он только ерунду всякую творить может, - глажу собаку по спинке.

- Серьёзно? - Тим берет собаку на руки.

- Только учти: он не любит ходить по холодному и мокрому, не терпит, когда тянут за поводок, и строго следить, чтобы этот лохматый пылесос ничего не поднял и не сожрал!

- Я справлюсь, - приставляет руку в голове, как будто отдает честь.

- И если обидишь - больше не отдам.

- Я не обижу.

- Не его. Меня.

Он кивает.

Надеваю Моське ошейник. Он смотрит на меня. Будто спрашивает: «а ты точно хочешь это сделать?»

- Иди, - говорю. - Он тоже имеет право на прогулки.

7.

Стою у окна и смотрю вниз.

Я сжимаю кружку с остывшим чаем. Фарфор уже не греет, но я не отпускаю ее, больше для успокоения. У меня есть привычка, которую я очень долго пытаюсь обуздать - грызу или ковыряю ногти.

Пальцы впиваются в ручку. Хочется швырнуть её в стену. Снова злюсь, снова хочу топтать ногами, потому что чувствую: он снова здесь. Даже если физически ушёл, и сейчас она снова врывается на мою территорию.

Я не против, что он гуляет с Моськой. Против того, что он сам решает, когда это делать, не согласовав со мной. Чувствую, как будто каждый шаг с собакой - это шаг ко мне.

Через сорок минут звонят в дверь. Я как раз переодеваюсь после душа, волосы ещё влажные, на плите жарится яичница. Запах домашний, тёплый.

Открываю. Тимофей расплывается в улыбке. В руках поводок, два кофе и еще два пирожных в коробочке.

- Привет, - на лице фирменная улыбка. - Видишь, ничего страшного не случилось. Прогулял. Привёл. И принес тебе подарочек.

- Что? - от удивления приподнимаю бровь.

- Кофе. Как ты любишь. Капучино с корицей. И пирожное шоколадное, с миндалем.

- Тим, - говорю, - алименты для собаки - это корм и лежанка. А не романтика в упаковке.

- Это не романтика. Это угощение или подкуп, - начинаю еще сильнее раздражаться. Терпеть не могу людей, которые наследят, свалят, а потом делают вид, что отлично.

- Угощение кому это? Ему? Или мне?

- Обоим, - подмигивает. Пфф, тоже мне соблазнитель.

- Моська не пьёт кофе. И сладкое ему тоже нельзя, если увижу, что кормишь из-под полы, то все, будешь воскресным отцом, но только в присутствии матери драконов. То есть меня!

- и не думал, но ты - пьёшь. А мне хочется сделать тебе приятное.

Смотрю на него. На его спокойное лицо. На уверенность, с которой он считает, что может вот так - прийти, поставить кофе, улыбнуться и исчезнуть, как будто ничего не изменилось.

Пальцы на дверной ручке сжимаются сильнее. Голос - ровный, но внутри все дрожит.

- Я не возьму, - говорю. - И кофе я больше не пью, привычки поменялись.

- Почему?

- По кочану. Тим, мне пора заниматься своими делами. У меня есть к тебе одно предложение.

- Я просто хотел сделать приятное. Давно ли это стало наказуемо?

- А я не просила.

Ощущение, что уже весь подъезд в курсе наших разборок. Одна соседка вышла на работу, вторая приоткрыла дверь, выглянула и снова спряталась.

Он молчит. Стоит. Держит пакет. Кофе уже остыл, наверное.

- Можно, я зайду? Ну это дурость вести переговоры перемирия на пороге. А Моська? Я ему лапы помою. Ты не пускаешь меня в дом?

- Не пускаю, и дальше не планирую этого делать.

- Почему?

— Потому что это мой дом. А ты гость, который не предупредил. А незванный гость, сам знаешь хуже кого.

Беру собаку на руки, Моська начинает тереться мордой.

- Я звонил. Он смотрит на меня. Впервые — не с добрым упрямством, а с обидой.

- Ладно, - говорит. — Я скоро ещё приду.

- Не надо.

- Почему?

- Потому что я не хочу, чтобы ты приходил «скоро». Я хочу, чтобы ты приходил по графику, если детей делят в суде, то у нас с тобой до этого, надеюсь, не дойдет. Думаю, тебе хватит ума, чтобы просто договориться.

- Какой график?

- Такой, что я составляю, отпускаю Моську в квартиру. Иду следом, дверь прикрываю, но Тима так и не пускаю. Беру из принтера лист бумаги, ручку. Выхожу обратно, кофе и стакан с кофе уже на моей территории.

Пишу крупно:

ПОСЕЩЕНИЕ МОСЬКИ Раз в неделю — по субботам, с 11:00 до 12:30. Предварительно позвонить. Не раньше чем за день. Без подарков. Без еды. Без "просто заглянул". Никаких покушений на мою жизнь.

Пишу быстро. Ручка скрипит, на стене пишет плохо. Моська смотрит. Будто понимает: сейчас будет суд.

Выхожу. Вручаю ему.

- Подпиши, - говорю.

- Что?

- Согласие.

- Ты издеваешься?

— Нет. Я создаю порядок. Ты хочешь быть частью жизни собаки -будь. Но по правилам.

- А если я не подпишу?

- Тогда ты больше не видишь его. Полгода тебя совесть не мучила, - так хочется показать ему средний палец, но я держусь.

- Это шантаж.

-Это защита.

Он смотрит на лист. Читает. Перечитывает.

- «Никаких покушений на мою жизнь»?

- Ага.

- Ты серьезно?

- Абсолютно.

- Я не собираюсь нападать на тебя. Я просто хотел помочь. Ладно, - говорит. - Я подпишу.

Шепчет, что это абсурд, что я сошла с ума и как всегда притягиваю к себе лишнее внимание.

Он достаёт ручку из кармана. Пишет: Согласен, ставит число и подпись.

Отдаёт лист.

- Удачи, - говорит. - Прости, паспортные данные забыл указать, вдруг надо. К нотариусу с бумагой пойдешь?

- Не твое дело

.Закрываю дверь прямо перед его носом, ничего, привыкнет.

Иду на кухню. Ставлю чайник. Руки дрожат. Наливаю воду — чуть переливаю. Вытираю тряпкой. Моська кладёт голову на колено. Смотрит.

- Ну что? - спрашиваю. - Ты доволен прогулкой?

Он фыркает.

- А я - нет, - говорю. Ты ведь не хочешь, чтобы он приходил?

8.

— Двойной эспрессо без сахара, — говорю баристе, не глядя в глаза.

- Булочку с корицей хотите или бутерброд? Только получили, горячие еще, - девушка улыбается, конечно, решали на бедном одиноком мужчине повисить свой средний чек.

- Не нужно, только кофе, желательнее внутривенно

Стою у стойки, пальцы постукивают по кофейному аппарату. Не могу с утра рано вставать, а теперь из-за этой роли няньки-собаки пришлось чуть ли не в пять глаза открывать. Обычно я в это время только ложусь. Башка трещит, как будто кто-то забил в виски гвозди. Хочется забиться в уголок и доспать, но нет — сегодня суббота. 11:00. Мой час.

Беру напиток, обжигаю пальцы. Неважно. Иду к машине быстрым шагом, специально оставил её за три квартала, чтобы не сбежать, когда бывшая начинает меня бесить. Чтобы был шанс остыть. Прогулка как терапия для тех, кто не ходит к психологу.

В кармане трезвонит телефон. Звонок настойчивый, длинный. Надька передумала строить из себя обиженку? Решила сама позвонить?

Смотрю на экран — Лара. Ничего себе. Она последний раз мне звонила, когда жена подавала на развод. Тогда орала минут десять, называла скотиной, требовала, чтобы я немедленно исчез из их жизни. А теперь — снова.

Я не сразу беру трубку. Ставлю кофе на подоконник старого дома, смотрю, как пар поднимается и исчезает. Как мои попытки выглядеть нормальным.

— Ну что, герой? — начинает она без приветствия. — Какого чёрта тебе нужно? Что за цирк с собакой?

— Привет, Лариса, — говорю, когда принимаю. — Как семья?

— Не переводи разговор. Ты что задумал? Взрослый человек, а приходишь к сестре за собакой, как школьник за тетрадкой, — напор в голосе такой, что мурашки по спине. Вот чего в Наде не хватает — какой-то внутренней стервозности, уверен, секс с ней просто ошеломительный.

— А кто сказал, что я за собакой? Надю я люблю и любил, вот и подумал, что без неё мне хуже, чем с ней, а я себе не враг.

— Ага. И что? Это же абсурд! Ты хочешь Надю — идёшь через пекинеса? Бред, никогда не видела, чтобы у тебя была любовь к животным.

— Почему через? Я иду к Моське. Он мне важен.

— Да ну?

— Серьёзно. Мы его заводили вместе. Он был частью семьи.

— Ты издеваешься, — говорит она. — Я слышу это по голосу. И когда вы были семьёй, ты хоть раз выгулял его сам?

Я усмехаюсь, так чтобы она ничего не поняла.

— Ларисочка, не начинай. Все мы прекрасно понимаем — это игра. Ты к нам в семью не лезь. А ты думаешь, я должен был прийти с цветами и сказать: «прости, я был идиот»? Она бы закрыла дверь.

— А сейчас разве не закрывает?

— Закрывает. Но я всё равно прихожу.

— Зачем?

— Потому что понял одно: если ты теряешь человека, нельзя ждать, пока он скажет: «возвращайся». Нужно быть рядом. Даже если тебя не пускают внутрь.

— То есть ты решил стать вечным гостем?

— Я решил не исчезать.

Лара молчит. Потом говорит:

— Ты ведь не ради собаки, да?

Делаю вид, что закашлялся. Подхожу к машине, хожу кругами. Жду, когда Ларе надоест меня отчитывать, как школьника. Открываю дверь, ставлю кофе на сиденье.

— Если серьёзно, — говорю, — то понял, что без них жизнь пуста. Не потому, что я один. А потому что перестал быть нужным. Да и как-то странно получилось, тебе не кажется? До развода Надя пришла — не то что с голой задницей, но без особого преданного. А из брака вышла — завидной невестой. С половиной квартиры, машиной. Не очень справедливо, правда? А я тебе даже на совместную собаку график посещений получаю.

— Скотина, — говорит она. — Я не знаю, что ты задумал, но я тебе сестру в обиду не дам.

— Да, никого я обижать не собираюсь. Хочу мир во всём мире, счастья в каждый дом и мне тоже. А я Надей сама понимаешь, она излишне тревожная. Это же с ума сойти — развелась, когда измены не было.

— Ага, как будто целовать другую, писать ей «скучаю», покупать презервативы — это не измена.

— Ну ладно, — машу рукой, хотя она не видит. — Подошёл. Растерялся. А ты должна мне помочь. Сама понимаешь, я для неё лучшая партия. Знаю все рычажки.

— Ты думаешь, она с кем-то будет счастлива?

— Нет. Потому что никто не знает, как с ней. Как успокоить, когда тревожится. Как не давить, чтобы не ушла. Проходили мы это. На своей шкуре всё испытали.

— А если полюбит другого?

— Тогда посмотрим.

Кофе почти остыл, а я ненавижу, когда он холодный. Хоть обратно топай. Что за семья, с какого-то угла всё равно испортит мне настроение.

Завожу машину. Включаю обогрев. Смотрю в зеркало. Лицо - уставшее, а говорят, что в раннем подъеме здоровье прячется. Мое, кажется, окончательно, ускало, как и настроение.

И вдруг понимаю: я не хочу просто вернуть квартиру, машину, женщину. Я хочу вернуть ощущение, что я центр мира, что мой приход - долгожданное событие. И кто из них принесет мне в зубах тапочки, еще нужно посмотреть.

9.

— Я с твоим благоверным, но не очень верным разговаривала, — Лара звонит вечером. Я в полусогнутом состоянии завязываю шнурки на кроссовках, одна нога на скамейке, другая — на земле, как будто балансирую между прошлым и настоящим.

— Что «моя прелесть» хотела? — прыскаю от смеха. — Он решил за собаку судиться? Но знаешь, чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не вешалось.

— Я ему не верю, — говорит Лара. — Но тут сама знаешь, он мне никогда не нравился, вот и сейчас чувствую, что он гнилой. Надюш, я верю, что ты барышня с головой, будь немного повнимательнее. И позвонила я ему сама.

— Что?!

— Ага. Прости, но я помню тебя после развода. Ты можешь сколько угодно хорохориться, но я-то тебя хорошо знаю.

Я сжимаю телефон. Моська смотрит, как будто понимает: сейчас будет взрыв.

— Ларис, спасибо, — говорю. — Я теперь придурков на лету отстреливать могу, у меня прям чутьё. И понимаю, что Тимофей что-то задумал. Все его доводы — ерунда. Я же взрослая и теперь уже с огромным жизненным опытом женщина.

— Ну да, опыт у тебя такой, что даже с собакой договориться не можешь.

— Зато не изменяю.

— Ага. И не пускаешь в дом.

— Потому что не хочу. Ладно, — вздыхаю, но на душе скребут кошки. — Но знаешь, мне иногда так хочется ему поверить. Сделать вид, что ничего не было. Ну я же и правда его не на бабе поймала.

— Эй, ты чего! — Лариса закашливается. — Все ты правильно сделала. Поэтому давай держись. Надо, я к тебе в гости приеду, буду твоё целомудрие блюсти. А тебе надо влюбиться в другого — какого-нибудь нормального, ответственного и очень серьёзного мужчину. Другой тебе ладу не даст, ты же как кисельные реки, все из берегов норовишь выползти.

— Спасибо, старшая сестра. Обязательно прислушаюсь к твоим советам. Я с собакой-то через раз справляюсь, а с серьёзным мужчиной, что буду делать? Я так и останусь красивой и одинокой мужененавистницей.

Выходим из двора, идем в сторону парка. Холодно. Осенний пронизывающий ветер, который лезет под шарф и напоминает, что зима уже рядом. Я в куртке до колен, в перчатках, волосы собраны в хвост, торчит одна прядь, как антенна, и постоянно лезет в лицо.

Мама когда-то шутила, что я останусь одна с сорока кошками, потому что характер у меня дурацкий. А вот она и не угадала, сорок кошек я не потяну. Финансово. Физически. Психологически. Неудачница.

Мама просчиталась, когда меня рожала, как подмогу сестре. А я оказалась балластом.

Хлюпаю, стараюсь не впасть в состояние «мир дерьмо, люди дерьмо, любовь дерьмо». Моська топаёт ровно, нос прижат к асфальту, как будто ищет что-то важное — может, крошку чьего-то бутерброда, может, следы того, кто был здесь раньше.

Вот такие прогулки я люблю, когда город уже засыпает, когда фонари горят редкими островками, когда под ногами никто не путается.

Моська вдруг резко натягивает поводок, бежит куда-то, похрюкивая. Иду следом быстрым шагом, едва не сбиваю с ног мужчину лет сорока. В шапке-ушанке, в тёплой куртке, с поводком.

— Господи, что за люди, — бросает он. — Что собака не воспитанная, что её хозяйка. Про хозяина вообще молчу. Таким людям даже червя дождевого доверить нельзя, а тут собака!

Смотрю на серо-рыжего пекинеса с торчащими ушами. Точь-в-точь как Моська. Только кличка на бирке: Муха.

— А вот хамить мне не надо, — говорю, чуть повышая голос

— А я вам не хамлю, просто любое животное — это ответственность. А то, как вы себя ведёте! Вот, послушайте, — начинает он. — Я вас вижу регулярно, но сегодня решил подойти. Потому что больше терпеть не могу.

Только брюзги мне в жизни не хватало.

Я молчу. Жду.

— Я вчера вашему мужчине всё сказал, но он меня послал. Вы не в курсе, что собаку нельзя кормить булкой, шоколадом, вы бы ей еще пива выпить дали? Да ещё и прямо с земли? А вместо луж есть специальные насадки на бутылку. Давайте, я у Мухи заберу и вам презентую, собака не должна лишаться, раз её хозяева бестолковые.

— Вы стояли и смотрели? И вы решили мне это сказать? Не боитесь, что я вас тоже послать могу?

— Можете, хабалка же. Это все не гуманно. Кормить животное сладким — вредно. А гулять с ним по мокрому — тем более. У них лапки защищать надо. Тапочки же стоят сущие копейки.

— А вы, случайно, не ветеринар?

— Нет. Я просто человек, который уважает животных.

— Ага. А ещё, видимо, и в чужие семьи любит лезть.

— Если ваш муж - такое дерьмо, то представляю, как вам с ним живётся.

Я резко поворачиваюсь. Моська тянется вперёд, но я держу коротко, как будто сдерживаю не только его, а всё, что сейчас рвётся наружу.

— Во-первых, — говорю, — он не мой муж. И этому засранцу я надаю по башке. Во-вторых, он не кормит мою собаку без моего ведома. В-третьих, перестанете совать нос в чужие дела?

— Я же говорю, что вы хабалка.

— А вы — зануда. И, кстати, если вы так заботитесь о животных, представляю, какая скучная ваша жизнь, раз вы к прохожим пристаёте.

10.

Утро начинается с кошмара, уже минуту орет чайник на кухне, скоро соседи будут стучать по батареям. Моська подпрыгивает у ног, как будто это сигнал тревоги. Я бросаюсь на кухню, роняя тапок, выключаю плиту, день еще не начался, а я уже устала.

Стою у раковины, домываю тарелку после овсянки. За окном — серое небо, двор, покрытый первым инеем.

Снова опаздываю. Не сильно, на семь минут, но этого хватает, чтобы начальник отдела бросил взгляд поверх очков и сказал: «Надежда, вы опять заставляете нас ждать». Я киваю, снимаю куртку, прохожу к своему месту. На столе — папка с новым проектом. И записка: «В 10:00 собрание. Знакомство с новым менеджером по сбыту».

- А кого к нам спихнули, кто еще не нужен в головном? - шепчусь с Сонькой, соседкой по рабочему месту. - Зовут Виктор, говорят, что хорош собой. Присмотрись, может, он и тебе ко двору придется.

Что у всех за странное желание меня кому-то отдать, как будто я одинокая порчу внешний вид компании.

Идем на собрание. Кабинет уже забит руководителями всех звеньев. Ждем.

Он заходит первым.

- Виктор Анатольевич, можно просто Виктор.

Высокий, лет тридцати пяти в сером костюме, галстук чуть распушен - для эффекта «я серьезный, но расслабленный». Говорит четко, без воды. Презентация - идеальная. Ни одной ошибки.

- Ну, как он тебе? - кивает Соня.

- Очередной напыщенный хлыщ. Сейчас два месяца у нас пересидит и дальше на повышение пойдет, а я уже таких видела.

- Всем, спасибо, все, кроме отдела сбыта свободны, - этот Виктор улыбается во весь рот. Нас остается три калеки на кабинет, который теперь кажется, очень большим.

- Я посмотрел отчеты за прошлый месяц, что могу сказать, вы молодцы, но теперь планка станет еще выше, - говорит вальяжно, просто властитель мира.

Мы с Соней переглядываемся, каждый новый специалист поднимает планку, а только нам с ней это все как-то вытягивать.

- Хорошо, я тогда с каждым обсужу его план развития, рекомендую книги для развития компетенций. Думаю, скучно вам не будет.

- А мы и до этого не больно-то скучали, - говорю одними губами, но понимаю, что этот Виктор тоже все слышал.

Он подходит ко мне.

- Надежда? - уточняет, хотя только что читал моё имя в списке.

- Да.

- Можно просто Надя?

- Можно.

- Отлично. Ты здесь главный эксперт по клиентам. Давай обсудим стратегию?

Подсаживаюсь к нему поближе. Хм, пахнет вкусно, что называется настоящим мужиком. Может, Сонька и права нужно присмотреться к нему, чтобы Тиму нос утереть.

Смотрю на графики, слушаю в половину уха, что он там говорит. Обучением у нас раньше отдел по персоналу занимался, сами находили тренера, он все записывал на короткие видео, потом все в свободное время смотрели, а теперь новая стратегия.

- Может, выпьем кофе? - смотрит мне в глаза. Улыбается, интересно, он со всеми такой обаятельный или мне строит глазки, если второе, то это льстит.

- Может, в обед пойдем, - говорю. - Сейчас у меня звонок со смежниками, я, конечно, в слоте отметила, что совещание с руководителем, но не знаю, как всех это устроит.

Он улыбается. Не слишком. Только уголком. Как будто мы уже договорились о чём-то большем.

Возвращаюсь на рабочее место. Соня смотрит так, как будто я знаю, вселенский секрет.

- Ну, скажи мужик с особой аурой, прям хочется к нему на колени запрыгнуть и блузу расстегнуть? - подруга смеется, а я краснею.

- А мне не хочется. Я в этих вопросах ханжа, чтобы я ему на колени прыгнула, надо сначала месяц как минимум пообщаться.

- А ты ничего не заметила? - она улыбается загадочно. Смотрю на нее и не понимаю, что не так.

В обеденный перерыв спускаюсь в кафе. Надеюсь, что там никого нет, возьму себе рыбу на пару и картошку по-деревенски. И будет мне счастье.

Виктор Анатольевич уже сидит за столом. Он машет мне рукой, натягиваю улыбку приличности.

- Надя, а расскажи о коллективе, кто из себя, что представляет, - он улыбается, подвигает ко мне графин с водой и высокий стакан.

Ах, вот он в чем дело, а ты себе придумала, что можешь мужчине нравиться. Ну нет уж Виктор Анатольевич, - специально коверкаю его имя, от меня ничего вы не получите.

- Да у нас нормальные все, крысы с нами не выживают, - улыбаюсь в ответ.

- Ты классно держалась на собрании, - говорит, пока я снимаю вязаную кофту, вешаю ее на спинку стула.

- Спасибо. У нас тут так принято - не позориться.

Он смеется, привлекая к себе внимание, чувствую себя почему-то подопытным кроликом. Вот бы кто-то сейчас нас из общих знакомым с Тимофеем увидел, и бывшему доложил, что я из границ дозволенного выхожу. Вот бы он на дерьмо разошелся.

Он тянется к моему плечу.

- Надя, а ты где ночевала? Подожди, - говорит. - У тебя шерсть.

Снимает с моей кофты и показывает небольшой клочок светло-рыжих собачьих волос.

- А, простите, есть у меня дома одна мохнатая швабра, - осматриваю водолазку спереди, я уже привыкла, что как бы ни чистила вещи валиком, все равно шерстинки проскакивают. А перед новым человеком неудобно. - Моськой зовут.

- Как у Крылова? А Слона куда дели? - кажется, он доволен своей остроумности.

- Не завезли.

- Это искали плохо, или отдел сбыта их компании работает плохо, у нас бы так не было, правда? Может, у тебя вечер сегодня свободный? Прогуляемся? Быстро прикидываю, что у меня сегодня встреча с мужем и выдача ему на вечернюю прогулку песеля, соглашаюсь, даже не задумываясь о последствиях.

11.

Возвращаюсь домой в шесть. Моська встречает у двери, как будто знает: сегодня важный вечер. Я кормлю его, ставлю воду, натягиваю джинсы, которые давно не надевала — те самые, что Тимофей называл «слишком обтягивающими». Долго выбираю кофту: если идти в блузке, то точно надо заходить в кафе, а то замёрзну. А если в тёплой водолазке для прогулок, то в ней лучше оставаться в куртке. В итоге беру серую вязаную кофту с высоким воротом, нейтральную, но с намёком на форму. По холоду выбираю быть теплой, чем красивой.

Телефон звонит. Сонька.

- Ну что, я видела, как он у тебе помахал, - говорит . - Кажется, у вас сегодня продолжение? Надюш, ну колись, так уже интрижек хочется.

- Уже офис сплетничает? - злюсь. - У нас вроде хорошие отношения, но вот эти подглядки и пересуды, я просто ненавижу из-за этого работу в коллективе. Он симпатичный и не более, ничего у нас не будет.

- Пока нет. Надь, бу-бу-бу, как старая бабка, да? - смеется она. - Но если он тебя ещё раз на кофе пригласит, то все подумают, что вы уже переспали.

- Ага, а зная меня, все будут думать: «сколько же усилий потребовалось мужику, чтобы это осуществить»? Он же не знает, что ты целибат держишь, думаю, он на любовь, или хотя бы секс в обеденный перерыв рассчитывает.

Обе смеёмся. После развода ко мне подкатывали наши парни - кто с юмором, кто с долгим взглядом у кулера. Но всегда было одно: лёгкий флирт и не более. Как будто я - музейный экспонат: «можно посмотреть, нельзя трогать».

Через двадцать минут звонок в дверь. И тут же телефон.

В голове проносится мысль: «мои мужики засинхронились».

Открываю. Бывший муж. Одежда, как всегда, аккуратно. В пальто, в перчатках. Протягивает два пакетика мягкого корма.

- На, - говорит. - Новый вкус. Утка с рисом.

Как будто я это на ужин себе могу разогреть.

Поднимаю палец: «секунду». Ещё не готова отдать ему собаку. Надо промыть мозги после вчерашнего нагоняя от того незнакомца в ушанке, который сказал, что Тим кормил пекинеса булкой.

- Привет, - говорит он, улыбаясь. Развод явно пошёл ему не на пользу - стал слишком довольным собой. - Наш сын готов?

Кручу пальцем у виска. Моська смотрит на него.

- Минуту подожди, - говорю. Беру телефон, отвечаю на звонок. - Виктор, да, я сейчас выйду.

Смотрю на реакцию Тимофея. Ему явно не нравится, что в моём поле зрения появился мужчина. Глаза сушаются. Рука с пакетом слегка напрягается.

- Что? - спрашивает. - Я услышал мужское имя? И даже без проклятий? А может, сразу познакомишь?

- Ещё раз ты дашь собаке булку, шоколадку или что-то с земли, разрешишь стоять рядом с помойкой -- я тебя прибую. Ты меня понял?

- Ну, Моська сам рассказать не мог, - усмехается он. - Но, кажется, со мной больше нравится гулять, чем с тобой. Ты такая постная, как индейка варёная. Вот пусть у него будет жизнь, полная красок.

- Ага, пожрать с помойки - просто предел счастья. Тим, ты становишься предсказуемым. Беру Моську на руки, целую в ухо. Он фыркает. Передаю поводок.

- Не забудь пакет для какашек. И не задерживайся.

Выхожу. Сама иду к машине Виктора. Бывший провожает взглядом. Чувствую спиной: «ты не одна»?

Виктор выходит из машины. Аккуратно приобнимает. Не крепко, но достаточно, чтобы Тим видел.

- Надя, - говорит. - В ресторан, может?

- Нет, давай немного погуляем. А то новый руководитель мне составил личный план развития, там книжек сорок, с моим графиком я за месяц с трудом успею прочитать.

Он смеётся. Соглашается.

Идём. Я рассказываю про работу, смеюсь над его шутками, чуть касаюсь его руки. Не игриво. Просто - контакт.

Но потом замечаю: его рука тянется к пальцу. Снимает кольцо, прячет в карман.

Я не отвожу взгляд.

- Не надо снимать, - говорю. - Потеряешь. А потом жене скажешь, что было?

Он замирает. Делает вид, что стряхивает что-то с пальто.

- Что? - голос, будто ничего и не было.

— Кольцо. Оно же не исчезнет само. Потеряешь — потом жене врать придётся.

— А — улыбается. — Ты всё не так поняла.

— А как правильно?

— Мы с женой формальность. Документально ещё вместе, но живем отдельно.

— А когда разведетесь?

— Скоро! Но можешь мне поверить, что между нами давно ничего нет.

В горле противная горечь. Я как будто оказалась в ситуации между Тимом и его барышней, только с другой стороны. И Тим, наверное, тоже на уши присел, сказал: «мы только формальность». А потом целовал в машине.

— Если честно, — продолжает Виктор, старается взять меня за руку, — я хотел сначала найти опору. А потом оформить развод. Чтобы не быть один. Ты красивая» и умная.

— И что?

— А то, что между нами может быть что-то настоящее.

— А если я не хочу «что-то настоящее» с женатым мужчиной, который прячет кольцо в кармане?

Я смотрю на него. На его уверенность. На его предложение - не симпатии, а сделки.

- Ладно, - говорю. - Прогулка окончена.

Разворачиваюсь.

- Надя, подожди, - говорит он. Хватает за руку. Прижимает к дереву. Не грубо и не нагло, но настойчиво.

- Если мы будем общаться, - говорит, - ты быстро вырастешь по карьерной лестнице. Я сделаю тебя старшим менеджером.

Я смотрю на него. На его глаза, в которых - не желание, а расчёт. На его руку, которая держит, как собственность.

- Отпусти, - говорю.

- Почему?

Пытаюсь вырваться, он не отпускает.

И в этот момент голос сзади

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.